

Так он подписал с Компанией «Цинсун» пятилетний контракт, и на третий день после подписания Чэн Сун уже выбил для него роль второго плана в полнометражном фильме.

Тогда Хэ Няньцзюнь ещё не понимал, что это значит. Для него работа, порученная руководством, была тем, что следовало добросовестно выполнить. К тому же босс, Чэн Сун, вёл себя очень чутко и заботливо по отношению к нему, своему подчинённому: мало того что он каждые два-три дня навещал съёмочную площадку, так ещё постоянно водил его куда-нибудь поесть и предоставил бесплатную служебную квартиру.

Понаблюдав за обсуждениями на форуме по трудоустройству для выпускников вузов, Хэ Няньцзюнь решил, что ему посчастливилось встретить хорошего босса, какого не сыщешь и за сто лет. Но в один прекрасный день исполнитель роли третьего плана из того же сериала посмотрел на него в уединённом месте полным презрения взглядом и бросил, что он продан через постель. Только тогда Хэ Няньцзюнь почувствовал неладное.

У него от природы был прямой характер, поэтому в следующий раз, когда они ужинали с Чэн Суном, он без обиняков спросил его, почему тот так хорошо к нему относится.

Чэн Сун долго молчал, а затем решил больше не притворяться и сказал: — Ты очень похож на мою первую любовь.

Хэ Няньцзюнь сильно удивился: — Но я же мужчина.

Чэн Сун ответил: — Моя первая любовь тоже мужчина. Он был самым красивым из всех мужчин, что я встречал, и особенно родинка у него в уголке глаза: каждый раз, когда он смотрел на меня, у меня внутри всё замирало от нежности.

Хэ Няньцзюнь: — ...

Однополые браки были узаконены много лет назад, и Хэ Няньцзюнь ничего не имел против геев, но выражение лица Чэн Суна, когда он это говорил, было до того извращённым, что ему вдруг жутко захотелось отвесить Чэн Суну затрещину.

Узнав, что он всего лишь замена белой луне в сердце Чэн Суна, Хэ Няньцзюнь испытал одно лишь потрясение. Стоило ему вспомнить, что Чэн Сун, находясь рядом с ним, думал о всякой чепухе, как его начинало воротить от этого фарса.

Он захотел расторгнуть контракт. Чэн Сун усмехнулся и произнёс: — Неустойка восемь миллионов. Ты сможешь её выплатить?

— ... — Продай он его с потрохами, и то бы не хватило.

Чэн Сун заявил: — Раз уж ты всё понял, я больше не буду притворяться перед тобой хорошим

парнем. Давай заключим сделку. Я дам тебе лучшие ресурсы, но ты должен притворяться им в моём присутствии, чтобы утолить мою тоску по нему.

Хэ Няньцзюнь спросил: — Он что, умер?

Чэн Сун слегка опешил и ответил: — Нет, он уехал за границу.

Хэ Няньцзюнь оказался в затруднении: изображать кого-то за спиной живого человека — это поистине подло. К тому же разве это не самое настоящее наглое содержание? Он никогда не встречался с девушками, да и парней прежде не любил, так что всё это ставило его в крайне неловкое положение.

Хотя он и сомневался, условия, предложенные Чэн Суном, были слишком заманчивы, к тому же выплатить восемь миллионов неустойки он всё равно не мог. Вспомнив, что младшей сестре нужны деньги на учёбу, а матери — на лечение, Хэ Няньцзюнь скрипя зубы согласился на это дело.

Все эти полгода Чэн Сун предоставлял ему лучшие ресурсы, то и дело брал с собой и даже не скрывал того факта, что Хэ Няньцзюнь — всего лишь подменный дублёр. Порой на застольях он даже путал его имя, и вскоре по всей тусовке поползли слухи о том, что Хэ Няньцзюнь подрядился заменять чужую любовь.

Кое-кто завидовал его ресурсам, проклиная себя за то, что не уродился с таким лицом, а кто-то презирал его за то, что он ради продвижения наверх поступился достоинством и продался.

Притом эта самая белая луна была ещё жива и рано или поздно должна была вернуться. И тогда Хэ Няньцзюню останется только одно — быть выброшенным на помойку!

На это Хэ Няньцзюнь неизменно отвечал, что ему всё равно: главное — получить деньги на руки, а остальное неважно.

Но те люди были правы: белая луна жива и рано или поздно вернётся. Три дня назад Чэн Сун узнал, что его возлюбленный возвращается на родину. Он тут же бросил палочки для еды посреди ужина с Хэ Няньцзюнем и умчался прочь, скача от радости, как какая-то мартышка.

Он три дня подряд не объявлялся у Хэ Няньцзюня и лишь сегодня утром черкнул ему сообщение, приглашая вечером поужинать и заодно переговорить насчёт расторжения договора о замещении.

Ходили слухи, что Чэн Сун заказал девяносто девять тысяч девятьсот девяносто девять роз, собираясь в день возвращения своей белой луны снова признаться ей в любви. При таком масштабном приготовлении многие в кру тусовке уже знали, что его белая луна вернулась, а также знали, что Хэ Няньцзюня собираются выбросить.

В шоу-бизнесе меньше всего на свете не хватало тех, кто преклоняется перед сильными и топчет слабых. Как раз сегодня у Хэ Няньцзюня завершались съёмки — причём не только по сценарию, но и в реальной жизни.

Хэ Няньцзюнь с самого дебюта добился столь блестящих успехов, что немало людей завидовали ему лютой завистью, пытаясь сбросить его с этой вершины. Теперь, лишившись покровительства Чэн Суна, Хэ Няньцзюнь, пожалуй, больше не сможет удержаться в этой сфере.

После ухода второго режиссёра к нему подошёл исполнитель роли второго плана Тан Бэй и с издевательской ноткой в голосе протянул: — Ого, а чего это наш братец Цзюнь тут одинешенек?

Хэ Няньцзюнь улыбнулся: — Брат Бэй, вы ведь на целых три года старше меня, давайте обойдёмся без этого «брата», в таком-то солидном возрасте.

Тан Бэй закатил глаза и бросил: — Возраст тут ни при чём. В нашей сфере смотрят на стаж и заслуги. Если бы за твоей спиной кто-то не стоял, смог бы ты обойти меня и выбиться в главные герои? Только жаль вот: поговаривают, что гендиректор Чэн выкупил целый аэропорт, чтобы признаться в любви той самой своей сердечной зазнобе. Хэ Няньцзюнь, ты уж сильно-то не убивайся.

Улыбка не сошла с лица Хэ Няньцзюня, и он произнёс: — Брат Бэй, эту роль я получил благодаря собственному прослушиванию. Наверное, режиссёр просто посчитал, что вы как раз созданы для роли евнуха. У вас даже голос звучит так, будто всё лишнее уже начисто отрезано.

Исполнитель роли второго плана в этом сериале как раз играл евнуха.

Выслушав это, Тан Бэй взъярился: — Хэ Няньцзюнь, прекрати здесь распускать язык! Ты всего-то навсего дешёвка, которая пробилась через постель и торгует задницей! Только вот когда Чэн Сун бросит тебя, я посмотрю, кто ещё осмелится с тобой работать. Жди, пока тебя отправят в глухую опалу!

Хэ Няньцзюнь лишь усмехнулся и больше не стал обращать на него внимания.

Насчёт второй части слов Тан Бэя он не заблуждался: без поддержки Чэн Суна его дальнейший путь в шоу-бизнесе и впрямь окажется тернистым. Но с первой половиной фразы Хэ Няньцзюнь был категорически не согласен: играя роль белой луны перед Чэн Суном, он вовсе не заискивал и не вилял бёдрами — напротив, он для Чэн Суна фактически был отцом родным!

Разобравшись со съёмочной группой, Хэ Няньцзюнь направился в тот самый ресторан, где у него была назначена встреча с Чэн Суном. Перед тем как выйти из машины, Ноно, выполнявшая обязанности и менеджера, и ассистента, с тревожным выражением посмотрела на него: — Сяо Цзюнь, поговори с братом Суном по-хорошему. Даже если мы и вправду больше

не сможем крутиться в этом бизнесе, постарайся хотя бы выбить причитающиеся за расставание деньги.

Ей тоже было жаль этого паренька. Если бы он не шёл напролом по короткому пути, а играл честно и добросовестно, пусть он, возможно, и не добился бы таких головокружительных успехов в роли топовой звезды прямо сейчас, но за три-пять лет съёмок вполне мог бы взять какую-нибудь награду и превратиться в востребованного артиста без всяких проблем.

<http://bllate.org/book/26760/3207313>